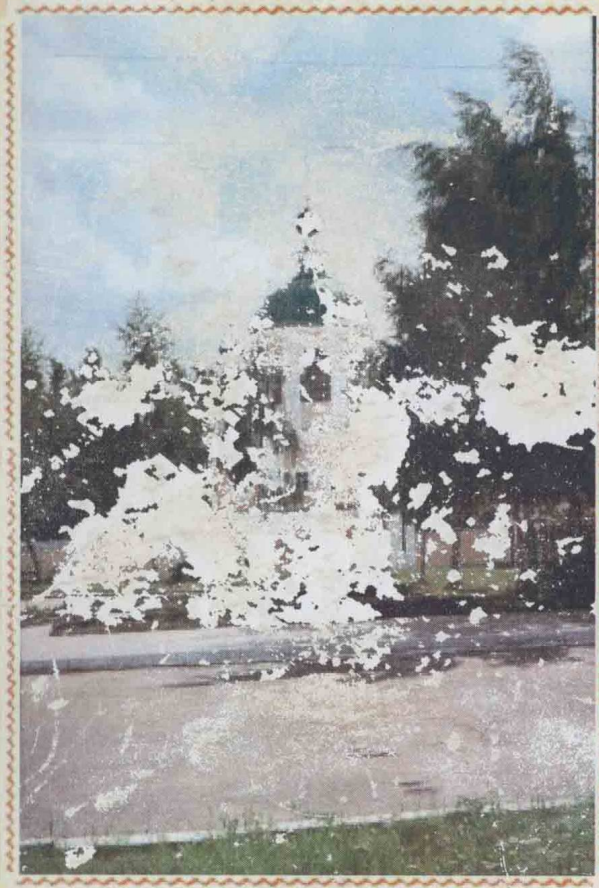

10

80

Г. Рыжкин

Краеведческие
записки

Г. РЫЖКИН

Краеведческие записки

Выпуск первый

2011

Издана за счёт средств автора

Рыжкин Г.В.

Краеведческие заметки, выпуск первый, 52 с., с илл.

В первом выпуске «Краеведческих записок» автор рассказывает о начальном периоде Великой Отечественной войны 1941-45 г.г., оккупации и освобождении Ливен; об участии ливенцев в Отечественной войне 1812 года; о том, как проходили выборы до революции 1917 года. Затронуты и другие темы ливенской истории.

Адресована широкому кругу читателей.

Использование материалов – по согласованию с автором.

© Рыжкин Г.В. 2011

© Дизайн автора

Компьютерная вёрстка В. Барабанов

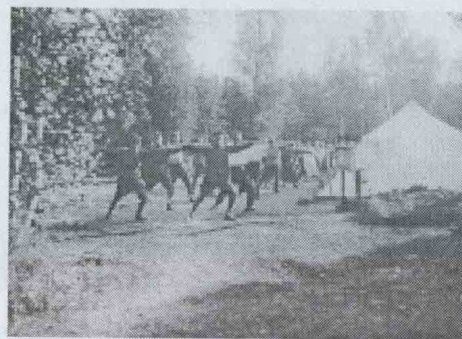
Тираж 100 экз.

Центр оперативной полиграфии
г. Ливны, ул. Капитана Филиппова, 60-а

Это было в 41-м

Накануне

Если сказать, что в предвоенные годы ливенцы жили мирно и спокойно, то это будет не совсем верно. Лозунги пятилеток выполнялись не сами собой - чтобы воплотить их в действительность, приносились жертвы, кроме того, чувствовалось приближение военной грозы. Единственное предприятие машиностроения – завод «Красный металлист» (ныне ОАО «ЛЗПИМ»), производивший гидранты и качалку для тушения пожаров, освоил производство корпусов авиационных бомб. Молодых людей неожиданными повестками вызывали в военкомат и призывали в армию на переподготовку. Учащиеся педтехникума под руководством преподавателя, бывшего офицера С.П.Волкова, проходили учебу вблизи города в военном лагере. Осенью 1939 года здания школ вдруг заняли красноармейцы из резервистов и получилось так, что учащимся заниматься стало нигде.

Занятия ливенцев в военном лагере

Занятия ливенцев в военном лагере

Спустя год в Ливнах на базе частей 18-го стрелкового полка, расквартированного в городе, началось создание 120-й стрелковой дивизии.

А в Москве напряженно работал над созданием нового самолета-истребителя И-185 наш земляк Н.Н.Поликарпов, получив-

В связи с событиями на реке Халхин-Гол летом 1939 года, когда завязалась военная схватка с Японией, был мобилизован очередной контингент военнообязанных, и поезда повезли их в монгольские степи. В тех кровопролитных боях погибли семь наших земляков.

Спустя год в Ливнах на базе частей 18-го

ший в 1940 году звание Героя Социалистического труда и золотую Звезду «Серп и Молот» под номером 4.

В ноябре 1940 года началось еще одно испытание - 425 тысяч бойцов и командиров Красной Армии вступили в боевые действия с Финляндией. В этой зимней войне, продолжавшейся четыре с половиной месяца, ежедневно погибала почти тысяча человек, не вернулись на родину 32 воина, уроженца Ливен и района. Конечно, если учесть, что в городе тогда проживало более 10 тысяч человек, да в районах Ливенском и Никольском (влившимся позднее в Ливенский) около ста тысяч человек, это потери не выглядели великими. Однако горе и слезы уже пришли в дома наших земляков, также как ранее печалили их сердца вол-

Учащиеся педтехникума после занятий

ны политических репрессий. Но ливенцы держались стойко: старательно работали в колхозах, на предприятиях и в учреждениях, растили хлеб, учились, а в свободное время ходили в библиотеки, играли в футбол. По вечерам весело проводили время на шумных матанях.

Из воспоминаний Д.А. Добрикова

Дмитрий Алексеевич Добриков жил в Ливнах. И начало войны он встретил здесь, потом был мобилизован в армию, прошагал дорогами войны почти четыре года, получив пять боевых наград. Он вспоминал:

«В конце 1939 года я поступил на новостройку - завод «Расткаучук» (растительного каучука), который возводился с 1938 года на левом берегу Сосны в полукилометре от «чугунного» моста. Это был первенец большой ливенской индустрии, - достаточно сказать, что на строительстве трудились более двух тысяч человек. Работа подходила к завершению. Монтажники ставили оборудование, электрики тянули кабели, а на полях вызревал кок-

сагыз - растение, из которого собирались получать натуральный каучук, используемый для производства колесных шин автомобилей, самолетов... Молодежь из города и близлежащих деревень (Барково, Горностаевки, Теличьего, Коротыша) работала с энтузиазмом, дисциплина была строгая. Зарабатывали прилично, вином не баловались.

Труд не пропал даром. Выросла объемистая коробка производственного корпуса, начиненная оборудованием (на его остатках впоследствии выросло здание клуба «Ливгидромаш»).

Жили строители в двухэтажном и двух трехэтажных домах (они целы и ныне), а также в бараках. Свободное время проводили весело, ходили в кино и на концерты, плясали и танцевали под гармонь, купались в реке, по воскресеньям отправлялись пешком в город на рынок, в магазины, на стадион.

Ливенцы осваивают планер

Казалось, ничто не могло омрачить нашу жизнь, но случилось однажды массовое отравление строителей. Говорили, что это происки врагов народа, сотрудничавших с фашистами. О том, что время зыбкое, напоминал и лозунг, вывешенный на продмаге, что находился напротив нынешнего рынка. На красном полотнище

крупными белыми буквами было выведено: «Ударным трудом ответим на удар поджигателей войны!»

Мы с нетерпением ждали пуска завода, всем хотелось посмотреть на каучук, ради которого отдавали так много сил.

В воскресенье, 22 июня, мы спокойно отдыхали, и вдруг из репродуктора услышали: началась война. Паники вначале никакой не было, мне казалось, что и ливенцы встретили эту тревожную новость спокойно. По той причине, наверное, что руководители страны говорили: «Красная Армия – несокрушимая сила». А очень уважаемый тогда нарком Ворошилов заявил: «Если будем воевать, то на чужой земле и малой кровью». Люди считали, что месяц-другой – и все кончится победой, как было на озере Хасан, на Халхин-Голе или в конфликте с Финляндией.

Но люди бывалые, которые воевали на фронтах первой мировой войны, предостерегали: «С германцем шутить нельзя, - воевать умеет».

В понедельник, 23 июня, как обычно вышли на работу. И сразу же мобилизация началась, коллектив наш начал таять на глазах. А когда немцы заняли Украину, помнится, начальник строительства Вавилов, молодой, высокий, черноволосый, собрал всех оставшихся на стройплощадке и обратился к нам с речью:

- Все оборудование эвакуируется в Уфу, - услышали мы его твердый голос, - там будем налаживать производство каучука, он очень нужен для обороны. С нами останутся те, у кого броня, а также несовершеннолетние и негодные в армию по здоровью. Приглашаю всех ехать в Уфу.

Но ребята к его призыву отнеслись холодно, все рвались на фронт. Начали снимать оборудование с фундаментов, затаскивать на железнодорожные платформы. Жалко было смотреть на опустевшие помещения корпуса, оборванные электропровода... А вскоре мне исполнилось восемнадцать и меня мобилизовали в армию».

Перед оккупацией

Вернемся к началу войны. Двадцать третьего июня вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных по военным округам. Мобилизации подлежали все военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 годы, то есть от 23 до 36 лет.

В тот же день вышло постановление Военного Совета Орлов-

кого военного округа о проведении оборонных мероприятий. Предусматривалось все предприятия городов перевести на круглосуточную работу.

С 22 часов прекращалось свободное пешеходное движение, ходить по улицам разрешалось только лицам со спецудостоверением.

В Ливнах прошли митинги патриотической направленности. Ораторы на стадионе, на железнодорожной станции, на «Красном металлисте» и винзаводе, в педтехникуме клеймили позором фашистских агрессоров, выражали неистребимую веру в победу.

Двадцать шестого июня бюро Орловского обкома ВКП(б) принимает постановление о создании истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами противника. Численность их по городам и районным центрам предусматривалась 100-200 человек. Люди отбирались проверенные, физически здоровые, владеющие оружием. Им должны были выделять по две ручные гранаты, винтовку или револьвер. На деле получилось по-иному.

Ливенец Виктор Викторович Быков, которому к началу войны исполнилось семнадцать, вспоминал: «Меня в истребительный батальон зачислили. На дежурство ходил к военному городку (теперь площадка №1 «ГМС-Насосы») Прохаживались с товарищем вдоль железной дороги. Одна винтовка на двоих. Проверяли документы у прохожих, как нас инструктировали, строго следили, чтобы лазутчики не подложили мину под рельсы».

Четвертого июля в Ливны по телеграфу пришла директива обкома об организации партизанских отрядов и диверсионных групп. Создается отряд численностью 66 человек, в Никольском районе – в составе 61 человека. О боевой работе этих отрядов документы не встречены.

Между тем, война все больше и больше напоминала о себе. У военкомата круглосуточно толпились призывники и провожающие, привокзальная площадь была забита людьми – фронт требовал все новые и новые людские ресурсы. В вагоны заводили колхозных лошадей, - и они были нужны на войне. Один из ливенцев свидетельствовал, что во время погрузки людей в вагоны над станцией появился на большой высоте немецкий самолет – «рама». Сделав круг, и ни разу не стрельнув, улетел в западном направлении.

Начали приходить первые похоронок – сообщения о гибели родственников. Улицы и слободы огласились рыданиями и причитаниями. В середине августа стала остро ощущаться нехватка

продуктов. Двадцать второго августа принимается решение облисполкома о введении хлебных и продовольственных карточек в Орле, Ельце и Ливнах на продажу хлеба, сахара, кондитерских изделий. В день разрешалось продавать хлеб от 400 до 800 граммов на человека. Сахара – то же количество, но на месяц.

Но ливенцы не отчаивались, терпеливо переносили лишения, старательно выполняли решения власти. Девушки записывались на курсы медицинских сестер, становились донорами в развернутых в школах, в педтехникуме, в учреждениях госпиталей для раненых. Вместе с комсомольским отрядом молодые люди стали отправляться под Смоленск, где зачастую под бомбежкой копали противотанковые рвы, спали на земле, а погибших хоронили тут же, у рвов. Кормили за такую работу плохо.

В городе на стеклах окон появились косые перекрестья из бумаги – на случай бомбежки как предохранение от взрывной волны. Вечерами улицы утопали в темноте, фонари не зажигали, а окна домов плотно зашторивались, чтобы не было ориентиров при ночных налетах.

А враг все приближался. Из прифронтовой зоны проводилась эвакуация. Дошла очередь и до Ливен. Взрывалось и сжигалось все ценное: перед наступающей немецкой армией должна была предстать выжженная земля. В городе и слободах бойцы истре-

Разрушенный мост

бительного батальона поджигали дома, был взорван «чугунный» мост.

Между прочим, как свидетельствовал В.В. Тупицын, перед вступлением немецких частей в город после эвакуации учреждений на дверях квартир и домов, где проживали партийные и советские работники, появились написанные краской звезды, – значит, вражеские лазутчики в городе все-таки работали.

На фронте

А вот как встретили войну ливенцы, проходившие службу в Красной Армии. Уроженец Верхнего Жерновца Алексей Шалимов, работавший после войны председателем горсовета в Ливнах, затем заместителем председателя горисполкома, вспоминал: «Наш авиаполк, командиром которого я был, дислоцировался в Бессарабии. Летали в основном на устаревших к началу войны истребителях И-15 и И-16. 21 июня пошли вечером с женой в театр в городе Черновцы, пришли поздно, шестилетняя дочка посапывала в кровати. 22 июня рано утром примчалась автомашина с аэродрома. Спустя час небо закрыли тучи бомбардировщиков. Аэродром сравнивали с землей, лишь единственный истребитель успели поднять, и его сбили. И начались мои испытания...»

Беженцы

Петр Васильевич Горностаев из Жилево писал: «... Был я на действительной службе в строительном батальоне под Вильнюсом. Строили приграничный аэродром. Рано утром 22 июня подняли нас по тревоге. В небе заревели самолеты, сбрасывая бомбы. Сплошная неразбериха, спасались, как могли. Присоединился к своей части уже в Могилеве...»

Ливенцы, служившие в 120-й стрелковой дивизии, сформированной, как мы уже говорили, на орловской земле и расквартированной здесь, в шесть утра 22 июня по боевой тревоге заняли свои места. Через час стали поступать по мобилизационным удостоверениям призванные в армию, а на следующий день формирование отбыло из Ливен. 401-й полк, куда было зачислено большинство ливенцев, сначала занимает оборону в районе Жуковки, что под Брянском, а потом перебрасывается в район Ельни. После тяжелых боев, в которых polegло немало наших земляков, 120-я дивизия в составе 24 армии переходит в контрнаступление и освобождает город Ельню. За мужество и отвагу дивизия удостоивается почетного звания гвардейской, сотни ливенцев остались навечно лежать в земле под этим городом, о чем свидетельствовали похоронки, пришедшие в Ливны, в деревни и села Ливенского и Никольского районов.

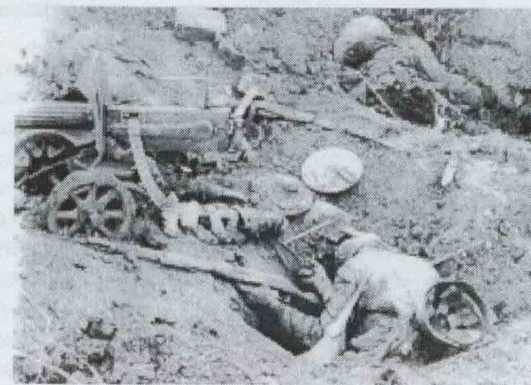
Районная газета «Знамя Ленина» не часто, но писала о подвигах земляков. Например, об Иване Шахове, артиллеристе, награжденном 31 декабря 1941 года орденом Красного Знамени. Тогда редко кого награждали, тем более такой высокой наградой! А Николай Бочаров, замполит, за успешную атаку на Ржевском направлении под Москвой удостоился звания Героя Советского Союза.

Но враг неумолимо двигался вглубь страны и через четыре месяца был уже у порога нашего города...

Оккупация

24 сентября 1941 года под Смоленском на совещании при группе немецких армий «Центр» было принято решение нанести мощный удар по частям Красной Армии южнее Москвы в направлении Брянск, Орёл, Тула. Полевая и танковая армии противника пошли в наступлении против 13-й армии (командующий А.М. Городнянский), состоящей из двух стрелковых, одной кавалерийской дивизий, танковой бригады и моторизованного полка.

Уже на третий день наступления танки Гудериана взяли Дмитровск-Орловский и устремились на охват левого крыла фронта, чтобы в районе Брянска создать котёл русским. Часть их стремительно двинулась на Орёл. 3 октября 4-я танковая дивизия захватила Орёл.

Они стояли насмерть

Танковый генерал Гудериан в «Воспоминаниях солдата» отмечал: «...когда наши танки вошли в Орёл, в городе ещё ходили трамваи...до самой железнодорожной станции на улицах лежали станки и ящики с заводским оборудованием и сырьём».

А в это время немцы начали уничтожать войска фронта, окружённые под Брянском. Часть их сумела прорваться сквозь кольцо. Преодолевая холод и голод, больные и окровавленные, собирались они в районе Верховья, Русского Брода, Ливен. На отходе формировались роты, батальоны, полки. Конечно, эти измотанные и обескровленные бойцы и командира не могли дать достойного отпора врагу. В ночь на 20 ноября 262 и 293 моторизованные дивизии немцев захватили Верховье и вступили на ливенскую землю.

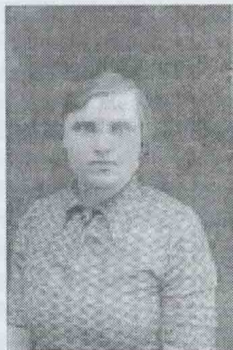

Боец
истребительного
батальона
В.В. Быков

По решению обкома ещё 3 июля в городе началось формирование истребительного батальона под командованием начальника милиции И.К. Павлова. 25 ноября 38 бойцов батальона вступили в бой с передовыми частями немцев в районе слободы Стрелецкой. Силы были неравны. Горстка патриотов боролась из последних сил. Приводим воспоминания жены бойца истребительного батальона, председа-

теля горсовета В.Е. Степанова, сделанные в 1962 году.

«...только на третий день после боя я с дочкой ночью смогла подойти к месту гибели батальона...Говорить оккупантам, что разыскиваешь тело мужа, было нельзя. Вскоре мы наткнулись на одного из убитых. В окровавленной дохе узнаю учителя Титова. Под окнами одного из домов увидели тело милиционера Л.М. Красова. А вот и тело самого дорогого для меня человека. Как впоследствии рассказывали очевидцы, Василий Степанович, будучи раненным в грудь, последним усилием воли бросил из окна гранату и был сражён пулемётной очередью. Они коваными сапогами растоптали его лицо. Я с трудом узнала мужа, дочь была в обмороке...»

Кира Кузнецова

Тогда отдали жизни за Родину И.И. Агарков, М.Н. Садовский, М.Н. Григорьев, Н.Е. Кузнецов, студентка педтехникума Кира Кузнецова... Оставшиеся в живых, вместе с воинами 336 полка 6-й стрелковой дивизии отошли в сторону Ельца.

А через день после этого в небе между городом и селом Крутое свершился ещё один подвиг. Когда самолёт 24-го полка бомбил наступающие на Ливны вражеские части, зенитный снаряд поджёг бомбардировщик. Поняв свою обречённость, экипаж в составе командира В.Н. Челпанова, штурмана П.И. Ковалькова и стрелка Н.И. Кувшинова принимает решение совершить огненный таран, и они направляют машину в гущу колонны врага. Имена героев высечены на обелиске в городском парке.

«Город был занят без большого боя, - свидетельствовал ливенец В.А. Гончаров в 1988 году, - правда, помнится, наши орудия с окраины Ямской слободы сделали несколько выстрелов в сторону Здоровца, но последовал ответный огонь, и артиллеристы увезли пушки. Накануне, за несколько часов до прихода немцев к нашему дому в Ямской слободе, приехали трое наших конников:

- Какой город?
- Ливны, - отвечаем.
- Где Елец?

Мать показала направление, и воины быстро скрылись из виду...»

Как потом стало известно, в Ельце готовили оборонительный рубеж и там собирали войска Красной Армии.

Продолжим рассказ Гончарова:

«Оккупанты прибыли на повозках, машинах, были у них и танкетки. К нам в хату зашли двое с автоматами. Увидели башмачки почти не ношенные - в мешок их. В комнате стояли два мешка гречихи, хотели смолоть на блины, они приметили их:

- Кони ам-ам, - бормочут. Для лошадей, стало быть, занадобилась крупа, забрали».

А вот впечатления о том дне А. Могилевцевой из слободы Беломестной:

«Хорошо помню день 25 ноября. Наши отходили по Воронежскому большаку. Население забилося в подвалы, на улицах не осталось ни души. Когда ступились сумерки, послышались орудийные выстрелы, скрежет танковых гусениц. Было очень холодно. Запас пищи иссяк, но я больше думала о детях, о том, что с ними будет дальше. Не было слез, чтобы плакать. Грязь и сырость в подвале, а вокруг - лающая незнакомая речь — то был кошмар наяву...»

Оккупанты почувствовали себя хозяевами, насаждали свои порядки. Всё тот же Гончаров рассказывал:

«Привели как-то наших пленных. Одеты добротно: полушубки, валенки, штаны ватные, шапки-ушанки. Немецкие офицеры приказали все снять, на себя стали напяливать. Красноармейцам бросали обувь и одежду свою.

Назначили старост, ввели комендантский час. Обещали к весне образовать общины-десятидворки и отдать им землю. Стали

В.Н. Челпанов с женой

Враг пришел

привлекать к трудовой повинности. Приходит как-то к одному из соседей староста:

- Запрягай лошадь, брёвна на восстановление моста возить будешь.

- Что иметь буду? - спрашивает мужик.

- Ничего.

- Тогда катись отсюда.

- Сейчас немцев позову, они тебя проучат.

И пошел крестьянин лошадь запрягать».

Вот лишь перечень, приказов новоявленных хозяев: «Об обязательной регистрации лошадей», «О мобилизации населения для принудительных работ», «О наказании лиц, подбирающих листовки и имеющих голубей», «О ликвидации колхозов и введении нового порядка в землепользовании», «О поставках молока для нужд немецкой армии». И так далее.

Ветеран педагогического труда Валентина Кондратьевна Сашнина свидетельствовала:

«На льду реки Ливенки немцы под взорванным мостом устраивали засады из 3-4 человек, и когда кто-то переходил реку, выбегали, окружали и отбирали вещи. Я тоже попала: у меня сняли валенки с галошами, теплые носки, рукавички, платок. При-

шлось, бросив ведра, в летних чулках бежать по морозу домой. На улицах задерживали молодых парней и девушек — «для нужд Германии». Понесла я паспорта семьи в управу для регистрации, увидела: за столами сидят знакомые женщины и девушки. Стали приглашать и меня на работу, но я отказалась.

Идешь, бывало, на речку за водой — навстречу ведут партию пленных солдат. Раздеты, гимнастерки рваные, без ремней, босые. Кто-то из охраны на плохом русском бахвалится: «Наша армия сильна, одета, обу-та, а ваши босыми воюют, шинелей нет». Запомнился наш солдат в обмотках, гимнастёрке с оторванным воротником, грудь нараспашку. Женщины плачут, а он спокойно говорит:

- Не горюйте, матери, я им крепко всыпал, убегу!»

И с такой силой это «убегу» произнес, что подумалось: этот не сломается».

Подавляющая часть ливенцев с ненавистью относилась к захватчикам, всеми средствами старалась помочь Красной армии прогнать врага. Не страшась расстрела, они укрывали раненых бойцов.

26 ноября вездесущие мальчишки пошли посмотреть место прошедшего боя на улице Орловской. Среди трупов наших бойцов увидели живого стонущего солдата, сказали об этом взрослым. А. Баскакова притащила раненого к себе в хату, учащиеся фельдшерской школы Валя Селитренникова, Нина Селина оказали медицинскую помощь, спрятали бойца в подвал. Как могли, женщины лечили парня до прихода наших войск.

В конце улицы Стрелецкой жила Мария Сергеевна Калугина. После вступления немцев в город, ночью кто-то постучался в дверь. Выйдя во двор, женщина увидела русских солдат. Их было

Пленные советские солдаты

семь человек. Пустила в дом. До этого чтобы немцы не остановились на постой, общими силами сломали печь, принесли на пол солому, навоз. Придя в холодную грязную хату, оккупанты быстро ретировались и больше не приходили, а солдаты прятались до освобождения Ливен. И еще одного бойца спасла М.С. Калугина. Его обнаружила двоюродная сестра. Это был ливенец. Как могла, она лечила раненого. А когда в Ливны пришли части Красной Армии, она вместе с сыном Павлом добровольно пошла бить врага. Дошла до Берлина.

А вот патриотический подвиг Марии Ивановны Могилевцевой. Увидев на земле раненого, вместе с соседкой затащила его ночью в дом. Сумку с гранатами бросила в колодезь. Раненый стонал, а за стеной жили немцы. Пришли за ним. Но Мария Ивановна сумела убедить, что это ее муж. Когда указали на окровавленную шинель, сказала, что ходить не в чем, на улице холод, вот и подобрала. Выходила женщина бойца. Когда уходил вместе с нашими, назвал себя Федором Дичковским. А после окончания войны письмо прислал, приглашал свою спасительницу в гости.

Настоящими патриотами показали себя сестры Мария Ивановна Гончарова и Анна Ивановна Бахтина. В середине декабря 1941 года части 13-й армии пытались сходу освободить Ливны, для чего в сторону Ямского выгона был послан батальон капитана Карбышева из 148-й стрелковой дивизии. Бойцы, оттеснив противника за овраг к кирпичному заводу, начали закрепляться на выгоне. Но немцы окружили батальон и начали методично его уничтожать. Часть бойцов укрылась в четырех домиках Ямского выгона, в том числе семеро в хате Гончаровой.

Покончив с батальоном, немцы стали разыскивать спрятавшихся русских солдат. Пришли к Гончаровой, она твердо ответила:

- У меня русских солдат нет! И для доказательства открыла крышку подвала, заполненного водой. Ночью вывела группу на Ключевку, где стояли наши части.

Ее сестра Анна жила также на Ямской. Когда наши войска отступали, на окраине завязался бой, немцы вступили в город. Выбравшись из подвала и придя к дому, Анна Ивановна услышала стон - в сарае укрывался раненый солдат. Привела его домой, перевязала раны, передела в одежду мужа и уложила в постель. Тут нагрянули оккупанты:

У разрушенного дома

- Солдат, партизан?
- Племянник, - отвечала женщина, - больной.

Раненому бойцу становилось все хуже, тогда Анна Ивановна нашла врача, который продал ей лекарство. Выхаживала его до прихода наших. После окончания войны этот спасенный боец прислал Бахтиной письмо из Куйбышева, благодарил за спасение и звал в гости....

Мы привели лишь небольшую часть примеров мужества и смелости ливенцев, которые, рискуя собой, выполняли гражданский долг.

А тем временем попытки наших войск закрепиться на рубеже Измаково, Чернава, река Олым успеха не имели. 4 декабря войска 13-й армии оставили Елец. Но уже было заметно, что немцы выдыхаются. Каждая пядь занятой земли давалась им ценою кровопролитных потерь. И это происходило на всех подступах к столице.

Освобождение

Поздней осенью 1941 года в Кремле родился план полного уничтожения гитлеровских войск под Москвой. Сполна это намерение советского командования во главе с И.В. Сталиным выполнено не было, но оказалось в результате неимоверного напряжения всех сил весьма результативным. События на юге от столицы развёртывались следующим образом.

9 декабря, после того, как противник был выбит из Ельца, немцы начали отступать в сторону Ливен.

Офицеры оперативного отдела группы германских армий «Центр» записали в одном из докладов: «Из-за контратак русских приходится планомерно отступать..., мороз до 38 градусов, много потерь из-за обморожений... Прорыв русских восточнее

А.М. Городнянский

генерал-майору А.М. Городнянскому ставилась задача нанести удар в направлении Казаки, Ливны. Командарм-13 в свою очередь поставил задачу перед 148-й стрелковой дивизией овладеть городом. Кроме того, в направлении Ливен, Верховья наносила удар подвижная группа фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко. На ливенском направлении оборонялись части 45, 168, 95 пехотных дивизий, 221 охранная дивизия, 1 пехотная бригада СС. Непосредственно оборону города держала 299 пехотная дивизия. На них наступали 132, 307,

Ливен...»

Гитлер возлагал большие надежды на свою любимицу — 45-ю пехотную дивизию, взявшую когда-то Париж, но она вместе с 134-й дивизией не устояла, потеряла под Ельцом 12 тысяч человек убитыми и ранеными, отошла, была окружена под Измалковом и сильно потрепана. Правда, официально сообщалось, что она уничтожена, но это было не так, 45 дивизия отошла (кстати, за бои под Ливнами эта дивизия была награждена Гитлером званием «народная гренадерская»).

Командующему 13-й армией

В.Д. Лев

143, 148 стрелковые дивизии Красной Армии.

Нам представляется, что наиболее близки к истине и конкретны воспоминания командира 496 полка В.Д. Льва. Полк входил в состав 148-й стрелковой дивизии (командир дивизии Ф.М. Черокманов, позднее ставший Героем Советского Союза). В.Д. Лев вспоминал:

«Внезапно прибыло сообщение о новой задаче дивизии: предлагалось выслать передовой отряд силою до полка в направлении г. Ливны и освободить конно-механизированную группу.

Первая ночь под Ливнами. Погода — благоприятная, холодная... Грунт мерзлый, но зарываться нужно. Сводка Совинформбюро, слушаем. Не верим своим ушам: сообщают, что наши войска заняли Ливны. Где, как, когда?

И пока мы строили догадки, немцы решили над нами поиздеваться, заговорили репродукторы: «Что приуныли, большевички?: «Ваше Совинформбюро уже давно заняло Ливны, а вы стоите...»

Действительно, после рейда группы Костенко по тылам немцев между Ливнами и Ельцом радио сообщило, что 13 декабря освобождены Ливны и Ефремов.

«Итак, мы на рубеже Каменево-Успенское.

При подходе к Ливнам погиб командир нашего полка Дергунов со своим адъютантом. Дело в том, что из района Каменево и до самой окраины города тянется система оврагов с ручьями. Дергунов выдвинулся вдоль северного склона оврага вперед и залег. Противник выбросил бронеснаряд, обнаружил Дергунова с группой и мгновенно ее уничтожил. Вслед за этим была проведена сильная контратака противника, и полк к исходу дня оставил рубеж Каменево-Липовец и закрепился западнее Козьминского. Связь с дивизией прервалась.

Я принял командование полком. Привели себя в порядок и утром следующего дня вернули свои позиции, уничтожив много немцев и захватив часть их оружия. Но далее продвинуться не смогли. Всех убитых, в том числе Дергунова, похоронили с почестями».

Кроме Дергунова, из офицеров были убиты командир 507 полка Фирсов, начальник дивизионной разведки майор Логунов, комиссар 496 полка Николаев и многие другие. Все они похоронены в деревне Каменево.

А вот выдержки из журнала боевых действий 2-й полевой

армии немцев, которая противостояла наступающей 148-й стрелковой дивизии: «Временное наступление на Здоровецкие Выселки...отражено... Исходные позиции врага восточнее Ливен уничтожены артиллерийским огнем», - запись от 18 декабря. «Многочисленные атаки на Ливны при поддержке многоствольных минометов («Катюш» - Г.Р.) отбиты... При контратаке было взято 210 военнопленных, насчитано 130 мертвых русских... При наступлении темноты были обнаружены русские танки, двигавшиеся в юго-восточном направлении от Воротынского» - запись от 19 декабря. Через день в немецком штабе записано: «Ворвавшийся в Моногарово противник был отброшен назад с тяжелыми для него потерями».

Ночью 22 декабря группе Мозера и полковнику Филиппу, оборонявшим ливенское направление, была вручена телеграмма Гитлера: «Фюрер выражает особую благодарность за мужественную оборону Ливен...Если бы везде оборона была такой, как в Ливнах, то на Восточном фронте дело обстояло бы лучше...»

Воспоминания В.Д. Льва и записки немцев свидетельствуют, что на подступах к городу развернулись кровопролитные бои, но, несмотря на большие потери, части 148-й и соседних дивизий упорно двигались вперед. Благодаря мужеству бойцов и командиров сопротивление немцев преодолевалось и это несмотря на так называемый «стоп-приказ» Гитлера, запрещающий отступление без его разрешения. Все директивы фюрера идут с пометкой «Ни шагу назад!», однако они не дают желаемого результата...

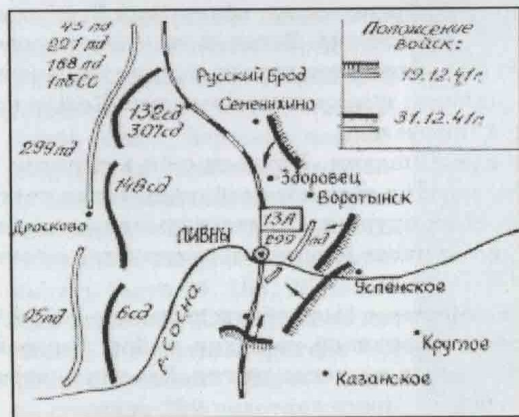

Схема освобождения Ливен

Артиллеристы батареи капитана Козлова подготовили орудия к бою и ждали подвоза боеприпасов. Пользуясь короткой передышкой, бойцы отдыхали, писали письма домой. Парторг батареи собрал коммунистов, чтобы рассмотреть заявление командира орудийного расчета

Садыка Абельханова о приеме в партию. Присели на станинах орудий, снарядных ящиках, лежащих на снегу. Садык рассказал автобиографию. Родился 19 декабря 1921 года в татарском селе. Хотел поступать в медицинский институт, но не дала война. Пошел добровольцем на фронт. Два брата тоже воюют, отец по брони трудится на горьковском заводе «Красное Сормово», мать лечит раненых в госпитале...

Но вот прозвучал приказ: «Атаковать врага и освободить Каменево!» Но поднять головы не дают разрывы снарядов, строчат пулемёты, по снежной равнине движутся танки. Садык Абельханов подпускает их поближе и метким огнём расстреливает в упор. Заметив 76-мм пушку, немцы начали вести сосредоточенный огонь. Упал в снег замертво подносчик снарядов, потом был убит заряжающий. В крови руки у Садыка, но он продолжает вести огонь по танкам. До последнего дыхания он вёл бой, пока осколок не пронзил его тело. Это случилось в день его двадцатилетия.

После боя перед позициями орудия дымились остатки немецких танков с крестами на башнях. Артиллеристы до конца выполнили свой долг. Командир представил мужественного командира расчёта к награде. Посмертно Садык Фезрахшапович Абельханов был удостоен ордена Красного Знамени. В то трудное время это была весьма высокая награда...

Для освобождения Ливен с 19 по 23 декабря были предприняты восемь атак 406 полка, но ни одна не имела решающего успеха. Правда, последняя позволила зацепиться за окраину города.

Черокманов решил изменить тактику, действовать более осторожно. Вот что он рассказывал: «Нужно было провести хорошую разведку. В город пошли переодетые в лохмотья успешные девушки Валя Тарасова и Зоя Шеламова. Но немцы заподозрили что-то неладное и не пустили их. Тогда они еще раз решили попробовать. Удалось. Разведчицы выяснили, что захватчики в ночь с 24 на 25 декабря под Рождество собираются отступить, заметили, где скопления военных, их огневые точки. В третий раз, уже ночью, они провели с собой нескольких автоматчиков, указали им чердаки, откуда можно вести огонь. И вот, когда оккупанты начали отходить, автоматчики открыли огонь, что явилось сигналом общего наступления...»

Ещё до этого во второй половине дня 24 декабря немецкое

командование поняло, что положение весьма опасное. Командующий 2-й армией Шмидт связывается по телефону с начальником штаба группы армий «Центр»: «...северо-западнее Ливен идет наступление, которое может привести к окружению и разрыву связи с тылом... Я неохотно оставляю Ливны, но другого выхода нет...» Этот доклад происходил в 13 часов, а через час десять минут Шмидт более конкретен: «...Сейчас новая атака превосходящих сил русских... Чтобы предотвратить прорыв врага, .. я отдаю приказ основательно разрушить Ливны, в ночь на 25 декабря отступить за Сосну и Труды...»

Участник освобождения
Д.А. Добриков

В 17⁰⁰ поступил приказ о порядке отступления. Вечером 24 декабря немцы спешно хлынули из Ливен, подгоняемые армейским огнем:

Наши пришли

Отвоевались...

«Русские бойцы в сочельник 1941 года не дали ни минуты на отдых и размышления по этому случаю. Многие солдаты должны были в этот вечер биться на снегу и морозе». (Из журнала боевых действий немцев).

Безусловно, на быстрый отход врага повлияли и сведения, полученные их разведкой, о том, что 1-я гвардейская стрелковая дивизия (командир Россиянов) получила приказ двигаться из района Змиёвки на Ливны с целью окружения немцев в городе и их уничтожения.

Интересны заметки из записной книжки поэта Михаила Луконина, корреспондента газеты 13-й армии «Сын Родины», вступившего в Ливны вместе с освободителями: «Идёт по улице взвод и поёт песню. На сердце весело и хорошо.

- Вы теперь не уйдете? - спрашивают бойцов девушки.
- Он бежит! Если бы вы видели!

У церкви толпа. Лежит убитый немец...

Народ возбужден. На крыше углового дома копошится человек.

- Скорей, товарищ! - кричит толпа.

Ливенцы в Отечественной войне 1812 года

Как известно, в ночь на 12 июня 1812 года французская армия численностью 612 тыс. человек при 1370 орудиях перешла русскую границу в районе Ковно (ныне Каунас, Литва) и вторглась в пределы России. Уже в первые недели войны начались рекрутские наборы в Орловской губернии в армию по повышенной норме - со ста душ два рекрута. Патриотизм проявили ливенцы, пожертвовав со ста душ 4 человека. В результате наборов на эту войну Орловская губерния поставила около 34 тысяч человек, в том числе 4 тысячи из Ливенского уезда.

Ливенские ратники в большинстве своем проходили службу в составе 33-го Елецкого пехотного полка, входившего сначала в Первую, а затем в Западную армии под командованием прославленного полководца Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. Полк мужественно сражался с наполеоновскими захватчиками на Бородинском поле, а потом через всю Европу с боями преследовал их до Парижа и в 1814 вместе с русской армией взял его.

Д.В. Давыдов

Значительная часть ливенцев воевала также в калужском и курском ополчениях, в других военных частях.

Помещик Ливенского уезда Денис Васильевич Давыдов, полковник Ахтырского гусарского полка, обратил внимание на большую растянутость французских коммуникаций и их слабую боеготовность и обратился к командующему 2-й армией П.И. Багратиону разрешить организовать партизанский отряд. М.И. Кутузов распорядился выделить

И.Д. Якушкин

Давыдову 50 гусар и 80 казаков. После первых удачных вылазок отряд пополнился крестьянами. Партизаны нападали на французов, отбивали их обозы с провиантом, боеприпасами, оружием. Особенно ярко разгорелась народная война после оставления Наполеоном Москвы. За лихие партизанские действия Денис Давыдов удостоился орденов Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира. Во время заграничного похода русской армии в составе своего любимого гусарского полка наш земляк проявил также отвагу, за что производится в генерал-майоры.

Гусаром воевал и сын помещика сельца Набережное на Ольме Ливенского уезда Александр Кологривов: Сначала он участвовал в формировании тверского ополчения (в то время его отец занимал пост губернатора Твери), а в 1813 году в звании подпоручика зачисляется в Александровский гусарский полк, входивший в армию Ф.В. Сакена. Воевал Кологривов на территории Германии и Франции, где русская армия одерживала победы, затем производится в поручики и переводится в привилегированный Кавалерийский полк, за Французскую кампанию удостоивается ордена Святого Георгия.

Этой же награды удостоен и прапорщик лейб-гвардии Семёновского полка Иван Якушкин, уроженец сельца Замарайка (ныне Должанский район). Он - участник Бородинского сражения.

В Орловском архиве есть «Дело о награждениях медалью в память вступления русской армии в Париж», в котором есть имена десятков ливенцев. Дмитрий Апушкин (о нем подробнее расскажем ниже); Сергей Егорович Некрасов; штабс-капитан Ярошенко (был ранен в щёку кинжалом, но не ушел с поля боя); Григорий Гаврилович Борзенков, Федор Васильевич Хотьков, Иван Петрович Петров, Михаил Степанович Попов и другие. (Все ливенские фамилии, они и сейчас есть в Ливнах - это потомки героев). Все они награждены медалью «За взятие Парижа» и другими наградами: орденами Святого Георгия, Святого Владимира, Святой Анны. А Поликарпов, прадед нашего знаменитого авиаконст-

руктора Н.Н. Поликарпова Михаил Поликарпов – священнослужитель, награжден наперстным крестом и очень гордился этой наградой.

Теперь подробнее о Дмитрие Николаевиче Апушкине. Дмитрий Николаевич владел в 1839 году имением в селе Дмитриевском (Жерино) Ливенского уезда - 1200 десятинами земли и 160 душами крестьян, имел звание капитана. Его молодые годы были связаны с военной службой. Начав воинскую карьеру в кадетском корпусе в одиннадцатилетнем возрасте, он в 1807 году становится прапорщиком, спустя четыре года - подпоручиком. В четырнадцать лет воевал в Финляндии против шведов. В войну 1812 года был в «действительных сражениях с французскими войсками» близ города Полоцка, под Чашниками. В тех боях французы потеряли 6 тысяч убитыми и ранеными, русские - около 8 тысяч солдат. Потери русской армии были оправданы тем, что их войска отвлекли на себя целый резервный корпус. Второго ноября 1812 года подпоручик Апушкин за отличие получил орден Святой Анны, а спустя пять месяцев - орден Святого Владимира. Воевал у реки Березины, в герцовстве Варшавском, прошел Кенигсберг, Берлин, Магдебург, участвовал в сражении под Лейпцигом, Франкфуртом на Майне. Русский полководец главнокомандующий Барклай де-Толи в 1814 году за успешные действия «в кавалерийском деле при истреблении неприятельского корпуса» произвел его в штабс-капитаны.

Вернувшись на родину, стал предводителем дворянства Ливенского уезда. В формуляре чиновника сказано, что он обучен немецкому и французскому языкам, тригонометрии, алгебре, фортификации, знает рисование, историю, географию. Супруга у него умерла, и он самостоятельно воспитывал 3-х сыновей и 3-х дочерей. Два сына служили юнкерами в Харьковском уланском полку, т. е. пошли по стопам отца.

Яков Ровенский был выходцем из крестьян - однодворцев Ливенского уезда, дослужился до штабс-капитана. Участник войны 1812 года и заграничных походов русской армии. С 16 лет начал службу в 1809 году в 4 егерском полку, в 1812 году стал унтер - офицером, воевал на реке Неман, под Витебском. 15 июля получил ранение в ногу. После выздоровления воевал в Силезии, Саксонии, участвовал в генеральном сражении 8 мая, награжден орденом Святого Георгия под номером 29373, «был всегда примером в послушании начальству, проявлял храбрость во всех сра-

Ф.В. Ростопчин

жениях, при Бауцене, когда в роте были ранены офицеры, командовал оной, собрав расстроенных стрелков и поражал неприятеля!» Брал Париж, за что получил серебряную медаль. Вышел в отставку «с мундиром и пансионом полного жалованья» в 1828 году в возрасте 38 лет. Вернулся на родину и служил дворянским заседателем уездного суда.

Уроженец села Козьма-Демьяновское (ныне Козьминка) Фёдор Васильевич Ростопчин в военных действиях не участвовал, но его роль в войне очевидна. В молодости служит в Преображенском полку, потом участвует в штурме Очакова, воюет под началом Суворова. Возшедший на пре-

стол после смерти Екатерины, Павел назначает его своим адъютантом, пожаловав генеральское звание. 17 августа 1812 года чрезвычайный военный комитет обсуждает его кандидатуру (тогда он был губернатором Москвы) на пост главнокомандующего русской армией, однако именно в этот день он пишет царю: «Москва желает, чтобы командовал Кутузов». При подходе Наполеона Ростопчин поднимал дух москвичей, говорил, что у стен города враг встретит достойный отпор, но, как многим показалось, неожиданно заявил: «Москва будет сдана без боя». После занятия французами города во всех бедах недальновидные политики обвиняют Ростопчина: «Это он сжёг Москву». Но после того, как враг нашёл смерть от холода и голода в этом городе, становится ясным, что действия Ростопчина были весьма дальновидными.

Назовём и других участников этой кровопролитной войны. Уроженцы села Крутое Фёдор Пятин и Панкрат Щербатых, пер-

вый отличился в боях за Гамбург, второй – за Лион. Герасим Дмитриев из Троицкого, Калина Шмелёв из Вязовика, Кузьма Гончаров, Севастьян Кулаковский, Тимофей Киселёв из Речицы, Никита Андреев, Егор Парфёнов, Борис Никитин из Ливен и многие другие.

Число убитых русских только в Бородинском сражении составляет 13 тысяч человек, а всего в войне – около 90 тысяч. Немало в этих сражениях полегло и наших земляков.

Участь французских агрессоров известна – они были разбиты. Остатки наполеоновской армии бродили кое-где и по Ливенскому уезду. В жестокие морозы, оборванные и голодные, они в кучах мусора искали остатки пищи. Безоружные крестьяне подбирали их и сдавали полицейским чинам. А в ноябре 1813 года пленных французов вели из Ельца в Орёл. Следуя через Ливны, отряд испытал на себе ненависть жителей города. Разразилась драка, перешедшая в кулачное побоище. При этом тяжёлые увечья получили 8 французских офицеров и столько же ливенцев, десятки человек были ранены.

Иногда дело доходило до курьёзов. Когда через Ливны проезжал помещик Кривцов вместе с французом Мишелем, прислуживавшим ему, то француз слез купить яблок. По его выговору узнали – человек не русский. Один мужик закричал, что это шпион, и начали его бить. Квартальный надзиратель, разобравшись в происшествии, отнял его насилу. Но многие просвещённые французы были взяты помещиками и служили преподавателями и гувернёрами.

Выборы до революции

Рабочие забастовки, разгром помещичьих имений, резкое выступление оппозиции вынудили императора Николая II пойти на демократические преобразования. Манифестом 1905 года в России учреждалась Государственная Дума, имевшая вначале лишь совещательный характер. Закон о выборах делал ставку на монархические и националистические чувства. Царь

думал, что, как и в былые времена, в массах будет доминировать лозунг «За царя и Отечество!» В действительности крестьянство поддержало оппозицию.

Выборы проводились по куриям, т.е. избиратели делились на группы: земледельцы, городское население, рабочие, крестьяне. Каждая группа по этапам избирала выборщиков, и лишь они – депутатов. Причём от двух тысяч земледельцев избирался только один выборщик. Для крестьян эта норма составляла 30 тысяч, для рабочих – пятьдесят. В выборах не имели право участвовать женщины, молодые люди до 25 лет, военнослужащие и даже некоторые национальные меньшинства.

Избрание происходило в несколько этапов. Сначала на волостных сходах выбирались уполномоченные в уездное собрание, потом уезд делегировал выборщиков в губернию, а там уже проводились выборы в Думу.

От Ливенского уезда в Орле голосовали 18 человек.

С учётом отсутствия опыта (это были первые выборы в истории России) выборы растянулись на три недели – с 26 марта по 20 апреля 1906 года и прошли неорганизованно, участвовала в них только половина избирателей. Многие партии боролись за голоса избирателей: Союз русского народа (монархисты), октябристы, кадеты... Социалистические партии, большевики, эсеры бойкотировали выборы.

От Ливенского уезда в Думу прошли крестьянин Н.Д. Алёхин и землевладелец М.Е. Куканов. Расскажем о них.

Первому было тогда 27 лет, он крестьянствовал в селе Нижне-Ольшаное (ныне Должанский район), воевал с японцами в Порт-Артуре, попал в плен раненый, где пробыл около года, представлен к награждению Георгиевским крестом. В Думе входил в группу трудовиков, принимал участие в разработке закона об отчуждении помещичьих земель в пользу крестьян.

Второй представитель – М.Е. Куканов, уроженец с. Куракина, закончил учительскую семинарию, работал сельским учителем в Малоархангельском уезде. В частной собственности у него было три небольших земельных надела. Как и Алёхин, входил в трудовую группу, выступал по аграрным вопросам.

Всего в Думе из 524 человек насчитывалось 100 трудовиков, которые вопреки воле помещиков предлагали отобрать у них часть земли в пользу тех, кто непосредственно трудится на ней согласно «трудовой норме». Кадеты, одержавшие победу, также шли

вразрез с царём. Монархию поддержали фактически 10% населения. Немудрено, что вскоре Думу Николай II распустил.

Во второй Думе от Ливен также избирались два депутата. С.Н. Булгаков, известный философ и богослов. Неоднократно выступал с трибуны по разным темам: о деятельности военно-полевых судов, о выходе из революционного состояния общества. Посвятил работе в Думе две статьи. Второй избранник земледелец с. Лески Медвеженской волости Ливенского уезда Карпов Митрофан Азарович, участник войны с Японией, награждённый тремя Георгиевскими крестами за боевые заслуги. Входил в группу беспартийных.

Кроме них во второй Думе заседал и другой наш земляк, но избирался он от Томской губернии. Это Я.А. Ревякин, уроженец села Успенского, переселившийся вместе с семьёй в Сибирь в 1893 году, занимавшийся земледелием.

И ещё один депутат-ливенец заседал в Думе. Это было в 1912-1916 годах, когда сформировалась IV Государственная дума, а П.А. Покровский стал избранником от съезда городских избирателей губернии. С 1894 года священник Троицкой соборной церкви в Ливнах. С 1907 года – благочинный церковью города, а с 1 октября 1910 года – председатель Ливенского уездного собрания губернского епархиального училищного совета. Кроме того, учительствовал в школах. В Думе состоял во фракциях русских прогрессивных националистов. Работал в комиссиях по библиотекам и народному образованию. В 1917 году вернулся в Ливны и здесь умер.

...А как проходили выборы на местном уровне? В «Положении о губерниях и уездных земских учреждениях» было сказано, что правом участия в выборах на земских избирательных собраниях пользуются люди, имеющие недвижимое имущество в определённых размерах. По Ливенскому уезду это право получали те, кто имел не менее 125 десятин земли (1 десятина = 1, 03 гектара). Поэтому от Ливенского уезда в Орловскую губернскую управу в 1909 году попали помещики С.Н. Маслов (864 десятины) и граф Бенигсен (240 десятин).

Что касается выборов местных в уездную земскую управу, то следует сказать, что и крестьянство проходило туда; так, в 1912 году из 32 депутатов (гласных) 20 представляло дворянство, 4 – мещан и 8 – крестьян.

По закону выборы были тайными. Но как они проходили, крас-

норечиво свидетельствует прошение группы ливенских избирателей орловскому губернатору: «...на столе стояло 5 избирательных урн по числу избравшихся. Баллотировались господа Савков, Адамов, Чеботарёв, Аксёнов, Булгаков. У первой урны стоял Адамов, во второй урне избирался сам господин Адамов...из баллотировавшихся лиц никто не удалился в отдельную комнату...легко себе представить, как должны были себя чувствовать избиратели, когда им приходилось класть свои шары чуть ли не на глазах баллотировавшихся лиц...»

А вот так проходили выборы в Ливнах после февральской революции 1917 года при Временном правительстве. В августе того же года избиралась ливенская городская дума. Всего фигурировали шесть списков: №1 – служащие и мещане, №2 – Совет рабочих и солдатских депутатов, №3 – торговцы и промышленники, №4 – еврейская община, №5 – учительство и духовенство, №6 – союз портных. Голосование предусматривалось всеобщее и тайное, в выборах приняли участие 3616 человек. Список №1 получил более 38% голосов. Победили служащие и мещане города. Вновь избранный голова Ливен Матисов сообщал орловскому губернатору: «...выборы проходили с 9 утра до 9 вечера. Полный порядок...население к выборам отнеслось спокойно». Параллельно губернатору в Орёл жаловался председатель совета член партии социал-революционеров Федорович: «Служащие городской управы...уговаривали избирателей в полученные конверты вкладывать только список №1, за список №2 Совета рабочих и солдатских депутатов совершенно не разрешено голосовать. Это обстоятельство породило гражданское возмущение...сторонников списка №2, делаются выпады против революционных солдат...»

Сколько лет Ливнам?

Вопрос, поставленный в заголовке этой публикации, волнует местных краеведов (и не только) давно. Однако до сего времени точный возраст города не установлен. Предоставляем вниманию читателей различные мнения по затронутой теме.

Ввиду отсутствия документальных свидетельств, указывающих на дату рождения города ранее 16 века, имеются версии

разных авторов, С.П. Волков, автор книги «Ливны» (1959), считал, что Ливны — древнейший город Орловщины. Он писал: «...В чащах лесов побережья рек Сосны, Ливны Полевой и Ливны Лесной служили естественными трактатами для передвижения лодок, зимой — на лыжах и саях, поэтому место слияния этих рек служило пунктом встреч, обмена продукцией домашнего производства и дружного отпора врагу. Так, в 1156 году ливенцы здесь наголову разбили половцев во время одного из наиболее крупных набегов... Нашествие орд хана Батыея (1237 г.) надолго парализовало жизнь на побережье Сосны...»

Ф.В. Ковалев, написавший две книги о Ливнах, вышедшие в 1980 и в 1991 годах, предполагал: «Князь Владимир, как передает летопись (988 год) для защиты своих земель начал строить и заселять города по Десне, Остру, Сеши, Созоне (так называлась Сосна) и другим рекам. Именно в это время, вероятно, и были основаны Ливны. В 1177 году в русских летописях впервые упоминается слово «Ливны».

М.Я. Строев, автор книги «Село Успенское» (2006 год) и «Ливенский край» (2011 год), сообщает в последней книге, что в приведенном Ковалевым источнике река Созона не приводится вовсе, и предполагает, что он искажает источники «из патриотических чувств». Михаил Яковлевич выдвигает свою концепцию по поводу возраста, вводя новое понятие «Город Старые Ливны»:

1. Город Старые Ливны в XII — XIII веках действительно существовал на ливенской земле... Как известно, древний город Ливны впервые упоминается в «Сказании родословия» под 1177 годом. Следовательно, город Старые Ливны основан в 1177 году.

2. Город Старые Ливны был выжжен, и, по всей видимости, не раз. А оставшиеся в живых люди ушли в другие, более безопасные места... Таким образом, жизнь социальной ячейки на Ключевском городище была прервана, а с нею прервана и начальная история древних Ливен.

3. Нынешний современный город Ливны был поставлен в другом, стратегически более удобном месте в 1586 году, где ранее располагалась воинская сторожа...

А ведь мы знали, что хронологическое продолжение существования древних Ливен и вновь возведенного под прежним именем нового города обеспечивается только непрерывностью их существования. В силу этого переносить дату основания Старых Ливен на вновь построенный в другом месте сегодняшний город,

хотя под прежним именем, неправомерно...»

Концепция Ю.И. Бондарева, старшего научного сотрудника Ливенского краеведческого музея, автора нескольких книг, сформулирована в его труде «Древние Ливны» (2011 год): «История ливенского края началась вместе с возникновением на реке Ливна одноименного города в конце XI века... Говоря о дате основания города Ливны, можно разделить понятие о городе Ливны на два разноименных понятия:

город Ливны, основанный в конце XI на реке Ливна (Ключевское городище) и прекративший свое существование как поселение в конце XII века;

- город Ливны, основанный в конце XVI века на реке Сосне при впадении в нее реки Ливны — Ливенки и существующий по сей день».

Патриарх местного краеведения Олег Леонидович Якубсон излагает свое мнение в книге «Ливенский край — частица земли русской»:

«Подводя итог исследования древних Ливен (объединив вместе топонимику, летопись, археологию), можно с уверенностью утверждать:

4. Ливны существовали с конца XII до конца XIII веков в составе Рязанского княжества.

5. Городище находилось у слияния двух рек: Ливны Лесной и Ливны Полевой на правом берегу реки Ливенки в урочище Ключевка, которое и является верхними древними Ливнами».

Подход к теме возраста Ливен автора этой публикации изложен в книге «Ливенская старина» (2005 год). Приводим основные его положения.

Когда велась подготовка к празднованию 400 — летия города Ливны, то возник вопрос: почему городу четыреста лет, ведь в разных исторических источниках (да и в авторитетной «Большой Советской энциклопедии») указывается 12 век — время основания Ливен? Ответ содержался в письме начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР Ф.М. Ваганова, который ссылаясь на «Сторожевую книгу» Разрядного приказа 1571 — 1592 гг., где было записано: «По государеву указу и великого князя Федора Ивановича всея Руси указу и по приговору бояр князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи на Сосне поставить велено город Ливны...» Ваганов в письме отвечал: «Другими документами о дате основания г. Ливны ар-

жив не располагает». То есть считать годом основания 1586 год.

Краеведы были в недоумении. Орловский историк Гавриил Пясецкий в 1893 году в «Исторических очерках города Ливен и его уезда...» писал: «Тьма целых веков раздвинулась пред Ливнами только в 1888 году, когда, благодаря счастливой случайности, члену Рязанской ученой Архивной Комиссии С.Е. Звереву удалось открыть один рукописный сборник 17 века, свидетельствующий о существовании города Ливен еще в 12 веке...» Пясецкий в сноске к очеркам представлял Зверева и его открытие: «Преподаватель Воронежской духовной семинарии... Стефан Егорович Зверев отыскал этот сборник в 1888 году в частной библиотеке г. Муромцева в селе Баловневе Данковского уезда Рязанской губернии, и тогда же сообщил о своем открытии Орловской Ученой Архивной Комиссии, которая, ценя важность сообщения, не замедлила единогласно избрать С.Е. Зверева своим членом».

Вот что говорилось в сборнике, составленном в 1667 году, на 287 листе:

«А у князя Глеба Ростиславовича Резанского (внука Ярослава Святославича, правнука Святослава Ярославича, умершего в 1177 году), дети:

Князь Роман Резанский бездетной на Ливнах и на Воронеже был же.

Князь Игорь на Резане, на Ливнах и на Воронеже.

Князь Всеволод на Резане, на Ливнах и на Воронеже.

Князь Святослав на Резане, на Ливнах и на Воронеже.

Глебовы дети Ростиславича Резанского, Всеволод да Святослав, сели на Ливнах, на Прони, и от них пошли Пронские князья».

Таким образом, пять князей «сидели» на Ливнах. Однако Ф.М. Ваганов опровергает данные сборника: «... Данного источника (сборника Г.Р.) в архиве не имеется, а известная в научной литературе родословная рязанских князей содержит указание на княжение Глеба и его сыновей только в Проне...»

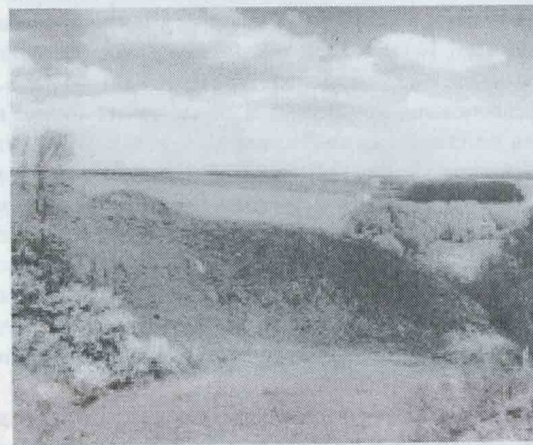
Учитывая правило, что датой основания городов считается либо первое упоминание о них в летописных документах, либо установление даты с помощью археологических раскопок, оставалось довольствоваться тем, что год основания города Ливны – 1586 год, так как раскопок на предмет установления даты рождения города не проводилось.

Правда, в 1998 году краевед В.М. Неделин в Центральном архиве древних актов нашел документ следующего содержания: «Того же году 7092 (1584) великий государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси великим хотением и желанием распространяет Русскую землю святым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшенному Борису Фёдоровичу Годунову да дь ячку ближнему своему Андрею Щелкалову города ставить на Поле и в Севере, и к Астрахани, которые от многих лет запустевша от безбожных агарян и от междуусобных брани: елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Болгария, Самара, Кромы, Монастырев и иныя многия польския и северския...»

Значит, «елецких князей вотчина Ливна» существовала, но запустела от безбожных агарян и междуусобиц, но этот документ, естественно, не может являться подтверждением того, что Ливны существовали именно в 12 веке.

Таким образом, сборник, найденный Зверевым, исчез, других письменных источников, свидетельствующих о существовании

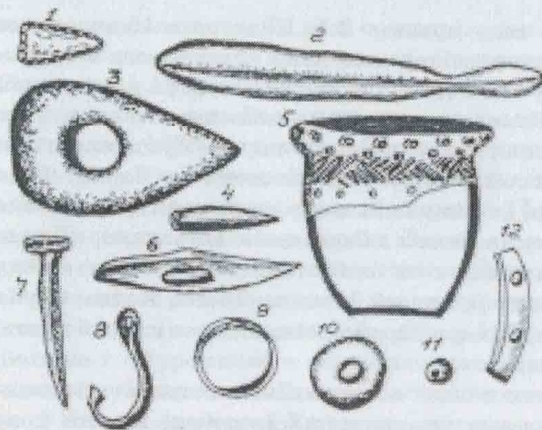
древних Ливен, не обнаружено. Есть лишь документы, обозначающие местность, которую занимает Ливенский район. Например, Никоновская летопись, которая сообщает, что «Лета 1664 (1156) приходили половцы на Рязань на Быструю Сосну и многих пленивша... Та же летопись под 1380 годом повествует: «...на Быстрой и

Ключевское городище

Тихой Сосне стеречи со всяким опасеньем и под Орду ехати языка добывати и истину уведати Мамаева хотения».

Только раскопки могли подтвердить древность города Ливны. И их с начала 90-х годов прошлого века начала проводить

Предметы, найденные при раскопках на Ключевке

археологическая экспедиция «Эврика» Орловского областного и Ливенского краеведческого музеев под руководством старшего научного сотрудника Светланы Дмитриевны Краснощековой. В 1992 году в местечке Ключевка на реке Ливенка (в древности Ливна) были сделаны интересные открытия. Вокруг укрепленного городища располагались шесть сельских поселений, где жили земледельцы, скотоводы, охотники, рыболовы, кузнецы, гончары, ткачи, ювелиры. В 1999 году С.Д.Краснощекова писала: «Ключевский археологический комплекс – единственный памятник 12-13 в.в.»

Но Ключевка расположена от Ливен в пяти километрах и, естественно, хотелось найти древние Ливны на месте нынешних, хотя, как считает Краснощекова, «Ливны на Ключевке» были разрушены в результате татаро-монгольского нашествия и «восстанавливать единственную в округе крепость ... в дальнейшем было нецелесообразно, так как прямо через нее, т.е. Ключевское урочище, татарами был проложен Муравский шлях, по которому степняки совершали регулярные набеги. Поэтому для нового города было выбрано и новое место – стратегически более безопасное, но...на Быстрой Сосне...»

Казалось, что раскопки на месте ныне существовавшего города нецелесообразны, т.к. он молод и поставлен в 1586 году. Это подтвердили первоначальные исследования, проведенные «Эврикой». При раскопках в городском парке на месте, где начиналась крепость Ливны в 1586 году, удалось найти предметы, относящиеся к 16 веку. При этом раскопки дошли до материкового грунта. Но позднее, когда шурфы были заложены в других местах, были найдены свидетельства поселения более раннего периода. Кроме того,

древнее поселение обнаружено и в городе на реке Ливенке, там, где сейчас Заливенская слобода, в частности, найдены остатки печи. Так что однозначного ответа нет. Древние Ливны могли располагаться и на Ключевке и на месте нынешнего города.

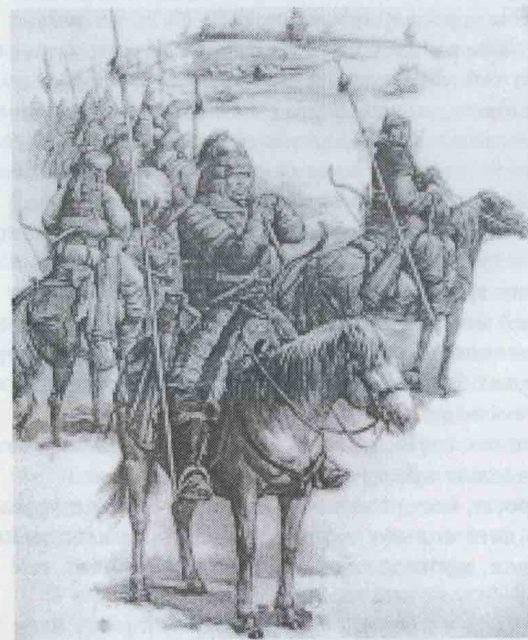
В 2000 году С.Д.Краснощекова нашла еще более убедительное доказательство версии, что «древние Ливны домонгольского периода располагались выше по течению реки Ливенки от ее устья в более скрытом и наименее доступном месте, каковым является мысовая территория урочища Ключевка...»

Судя по обугленности бревен, оборонительных сооружений и распространению древесных углей и зольных пятен по всей площади раскопа, город был уничтожен сильным пожаром. А произойти это могло в трех временных рамках: 1239 год – западный поход Батия или 1283 год – разорение Ельца и его окрестностей Ахматом Темировым, или 1395 год – опустошение восточных районов Орловского края войском Тимура (Тамерлана)...»

Но есть и свидетельства обследования бывшей Ливенской крепости (территория горсада) экспедицией Воронежского государственного университета в 1962 году:

«Поселение славяно-русской культуры ... Вероятно, в дотатаро-монгольский период поселение занимало только центральную часть мыса... Не следует ли связывать это более позднее поселение со вторым селом татарского баскака Ахмата?»

Вопросов больше, чем ответов. С.Д.Краснощекова по результатам рас-

Монголы, XIII век

копок «Эврики» в городском парке и воронежской экспедиции высказала мнение, что «данные являются достаточно серьезным аргументом для продолжения археологических исследований на территории бывшей крепости Ливны с целью установления подлинной даты основания города»...

А есть еще и труды выдающегося русского историка и географа Л.Н.Гумилева, в которых он рассказывает о нападении монголов, которое он называет «великим западным походом».

Начался он в 1235 году с территории Монголии при участии 30-40 тысяч воинов, имевших не менее 100 тысяч лошадей. Первыми подверглись разгрому волжские булгары, башкиры, буртасы. Перейдя Волгу, завоеватели разделились. Основные силы пошли, преследуя половцев, по югу Европы, другая часть войска, возглавляемая ханом Батыем, двинулась на Рязань. В 1237 году Рязань была взята. Рассеяв русских, собравшихся на реке Оке у Коломны, Батый двинулся на Владимир. Поочередно разгромил Владимир, Суздаль, Переславль, Ярославль.

Перезимовав на Волге, весной 1239 года монголы вырезав население, взяли Торжок и развернулись назад. Путь их лежал в Козельск. В памяти завоевателей засела мысль о мести за поражение пятнадцатилетней давности на Калке и за поступок козельского князя Мстислава, участвовавшего тогда в убийстве монгольских послов. Козельск сопротивлялся семь недель и пал, так как никто из русских не пришел на помощь. Далее путь войска Батые лежал через Ливны, что видно на карте, помещенной в книге Гумилева. Вероятно, в то время и были уничтожены первые Ливны. Здесь следует сказать, что опустошение земли ливенской произошло не только от набега Батые, но и в связи с междоусобной борьбой местных князей за овладение территориями. Как писал Г.Пясецкий, после этого Ливны «уступают первенство Ельцу, который будучи зависимым от Рязанского княжества, приобретает господство на берегах Быстрой Сосны».

В 2001 году «Эврика» на Ключевке нашла погребение древнего «ключевца». А может это древний ливенец?

Ответы на все вопросы, которые позволят установить дату рождения Ливен, можно дать только после продолжения исследований: поисках в архивах, проведения раскопок.

Такой была полиция

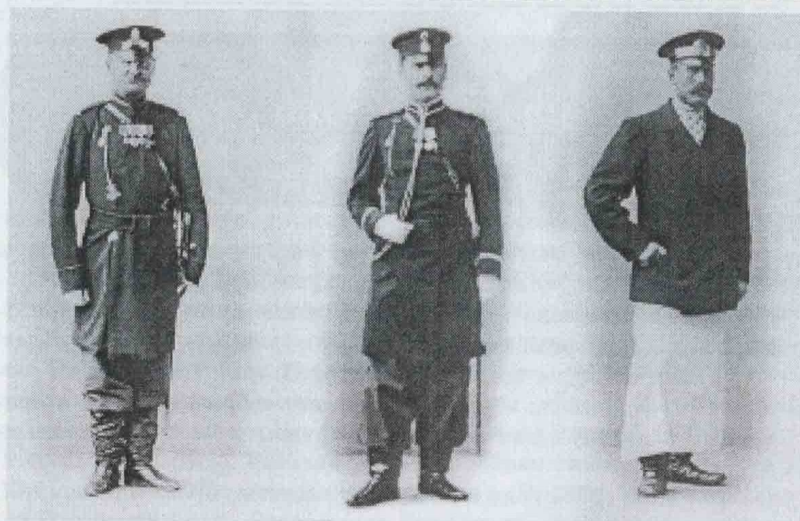
В то время, когда в Российской Федерации осуществляется реформа милиции и преобразование ее в полицию, вероятно небезынтересно узнать, что представлял собой этот правоохранительный орган в царское время.

Термин полиция впервые вводится Петром I. В царском регламенте говорилось: «Полиция рождает добрые порядки и нравовучения...принуждает каждого к трудам и честному промыслу...»

По уставу 1782 года в Ливнах создается управа благочиния, возглавляемая главой города – городничим. За городским кварталом, состоящим из 50 – 100 дворов, закрепляется квартальный надзиратель, 4 – 6 кварталов объединялись под ведомом частного пристава. За порядком на улицах наблюдал будочник, руководивший службой сторожей за домами.

Реформа 1837 года предусматривает создание земской полиции. Ливенский уезд делится на пять станов, в каждом из которых ставится становой пристав, имеющий в подчинении урядников, живших в селах и опирающийся в работе на волостные и сельские сходы крестьян. Круг обязанностей станового был весьма широк. От исполнения решений центральной власти и расследования уголовных дел, до информирования о видах на урожай или ходе уборочной страды. Становым приставом устанавливается высокое жалование, превышающее зарплату врача или учителя в два, два с половиной раза. Крестьяне становых приставов прозвали «крючками», так как они могли прицепиться к любому нарушению. Будь то не во – время уплаченные налоги или разбросанная вокруг дома солома, курение в непопленном месте, что могло привести к пожару. Имели они и право ареста и помещения виновника в арестную комнату при волостном правлении.

Уездной полицией руководил уездный исправник, назначаемый губернатором. Так, в Ливнах в 1913 году уездным исправником служил К.В. Шаталов, имевший классский чин надворно-

Полицейские

Дворник

го советника, соответствовавший воинскому званию подполковника. В управлении, располагаемом на улице Казанской (ныне Карла Маркса) у него были помощник, секретарь, два столоначальника, регистратор, два служащих и два вольнонаемных писца. Вообще говоря, штаты этого органа власти были невелики, во всем уезде насчитывалось не более восьми десятков служащих полицейского управления при территории уезда больше нынешнего района в три раза и населении – в четыре раза больше. Здесь нужно сказать, что многие функции наблюдения за порядком выполняли в городе дворники, являвшиеся как бы внештатными сотрудниками полиции. Они были обязаны «каждый день осматривать места, где могли укрываться бездомные, сообщать в полицию о крупных нарушениях, не позволять против своих домов курить трубки, папиросы, наблюдать, чтобы мастеровые не собирались толпами...задерживать и передавать полиции лиц, замеченных в совершении проступков, бдительно оберегать дома от пожаров, пьяных передавать на полицейский пост» и т.д. Если до реформы 1862 года высшее и среднее звания полиции набирались из дворян, то позднее в ее ряды допускались мещане и крестьяне, имевшие достаточную грамотность и уровень культуры. Окончившие гимназии и реальные училища, принимались в по-

лицию с чином, то есть со званием, остальные – без чина.

В Ливенской полиции служили достойные люди. В середине 19 века секретарем здесь был Н. А. Степанов, участник обороны Севастополя, георгиевский кавалер. Такие примеры не единичны. Заседателями полицейского управления часто назначали крестьян. В 1881 году приказом губернатора заседателями в Ливнах стали П. Г. Кожухов из Здоровца, а кандидатами Н. Л. Кобылкин из Успенского и А. Н. Сапрыкин из Станового.

Квартальный надзиратель на улице Никольской (М. Горького)

Власти удавалось на местах блюсти закон, преступность не была высока (умышленное убийство совершалось в уезде одно в несколько лет). Часто сами крестьяне выносили приговор за преступные деяния. П.И. Головин вспоминал, что когда ловили конокрада (конокрадство было развито в уезде), то не ожидали блюстителя закона. Крестьяне сами наносили вору по одному удару, а так как в селах населения было много, то преступник не всегда выдерживал избиения. На мелкого воришку навешивали кувшины, корчажки, банки и вели его вдоль деревни. Шествие

сопровождалось толпой и громким шумом. Позор ложился на весь род воришки.

На селе первичным карательным органом были все - таки не приставы и урядники, а сельский сход. За проступки сход мог подвергнуть штрафу до одного рубля, аресту или общественным работам до двух лет. В число проступков входили нарушение общественной тишины и спокойствия в пьяном виде, грубость в семье или против начальства, игра в карты на деньги, драки. Здесь многое зависело от того, требователен ли и строг был сельский староста.

Как порой сквозь пальцы смотрели в городе на драки свидетельствует публикация в газете «Орловский вестник» в 1900 году. В ней говорилось о том, что «...в слободе Стрелецкой между слободскими и городскими «удальцами» произошло несколько горячих схваток, после которых «окладистые бороды» явились в винную лавку, чтобы пропустить несколько шкаликов. А несколько полицейских вблизи дерущихся грызли подсолнухи». Это, вероятно, частный случай, коль о нем газета написала. Так же газета сообщала, что купца Викторова, торговавшего рыбой, оштрафовали на 20 рублей (это была стоимость одной тонны зерна) за грязь возле лавки на улице Петровской (ныне Дружбы народов) по ходатайству полицейского, составившего протокол о беспорядках.

Приходилось ливенским полицейским выполнять и политические задачи. В декабре 1903 года на ливенских улицах появились листовки с текстом, направленным против самодержавного строя. Тщательно поработав, полиция установила авторов листовок, в Орел полетела докладная: «...Щеглов, Ландау, Рубин, Сорокин, Шуэль...по предварительному между собой соглашению распространяли и рассылали по почте прокламации...»

Трудно приходилось ливенской полиции во время волнений 1905 года. Если в городе все ограничилось «хождениями» масс по городу, митингами, забастовками учащихся гимназии и реального училища, то в деревне дела обстояли куда серьезнее. 4 ноября уездный исправник П.С. Никаноров писал рапорт губернатору о готовящихся погромах имений Гостева, Русанова, Овсянникова, а спустя пять дней – об ограблении и поджоге имения Хлюстина. В селе Дмитровское крестьяне разгромили имение Кривошеина, оставив от дома только стены. Увезли 200 пудов овса, 60 пудов сала. В деревне Быковой самовольно по-

рубил деревья в лесу. Пристав 3 – го стана пытается установить причину волнения: «...священники вовремя не прочитали прихожанам Манифест. Земские начальники не собирали волостные сходы для его разъяснения...»

В город прибыли 60 конных стражников и «крестьяне перестали безобразничать». Политические дела вело жандармское управление в Орле, но грань между политикой и беспорядками власти проводить тогда было некогда. Поэтому когда в Липовичке, по воспоминаниям О. С. Могилевцевой собралась первомайская маевка в присутствии «товарища из Орла» внезапно «...раздались предупредительные свистки. Налетели полицейские. Все бросились врассыпную к реке. Нас нагоняли и били нагайками».

В рядах блюстителей порядка не всегда было все чисто. Когда в уезд прибыла сенатская комиссия, то выявила ряд злоупотреблений. «Квартальный надзиратель Светимский...сажал в полицию, выпускал за деньги». Нашли прегрешения и в службе уездного исправника Оболяникова. Виновные были преданы суду.

Для придания значимости учреждениям порядка императорским указом от 15 декабря 1913 года устанавливается ежегодный праздник 5 октября – День полиции «во имя святителя Алексия Митрополита Московского».

Когда царь Николай II подписал Манифест об отречении от престола, то, как писал уездный исправник Кандауров 6 марта 1917 года в Орловское губернское жандармское управление, «...среди населения стало замечаться враждебное отношение к чинам полиции... стражникам нельзя было показаться на улице, их встречали насмешками и руганью...».

После крушения самодержавия в России организуется милиция. Авторитета у основной массы народа она не завоевала, влияние ее все более слабело. Во время выступления крестьян 17 октября 1917 года начальник Ливенской уездной милиции Гнездинский докладывал губернской власти: «Сегодня при розыске в селе Воронинском Успенской волости разграбленного леса из имения Заседателя вооруженная камнями толпа оказала сопротивление. Владельцу нанесены побои, отнято оружие у начальника уездной милиции (то есть у Гнездинского, примечание автора), которому причинены раны головы и побои. Вооруженная команда разбежалась. Окажите содействие увеличением вооруженной силы. Анархия растет»...

Пожары в Ливнах

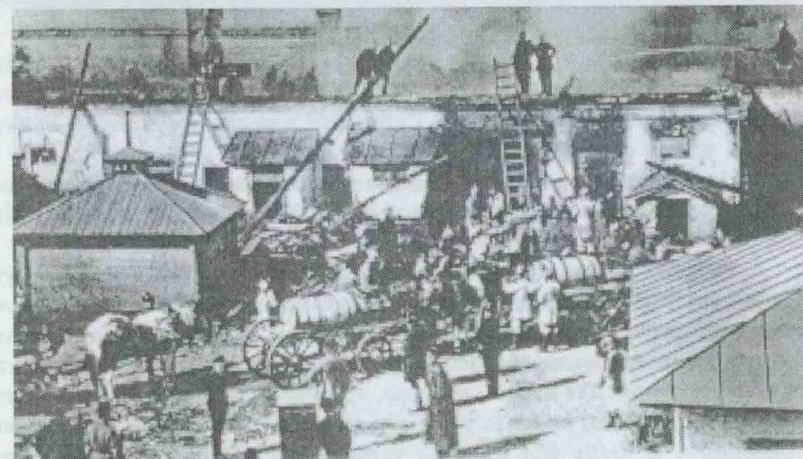
Наши предки уже при строительстве крепости Ливны ревностно заботились о том, чтобы не было пожаров. Ведь дома, крепостные стены и башни строились из дерева. Но предусматривалась и защита от огня: «...делать город так, чтобы его глиною обмазать». Воевода строго следил за устройством колодцев, из которых можно было брать воду для тушения пожаров. Для предохранения деревянных бревенчатых стен от поджога неприятелем во время осады их тоже покрывали обмазкой, сделанной обычно из глины. Впрочем, эти меры оказывались полезными не всегда. Так летом 1618 года малороссийские казаки, возглавляемые гетманом Коношевичем-Сагайдачным и воевавшие на стороне поляков и литовцев, двинулись на Москву, чтобы «отнять корону у царя Михаила Фёдоровича». В первых числах сентября войско подошло к Ливнам. Несмотря на то, что воеводы поставили охранять город около тысячи человек казаков, стрельцов, помещиков и крестьян, крепость над рекой Сосной была взята штурмом. Помимо того, что воеводу Никиту Черкасского взяли в плен, а другого воеводу Петра Данилова убили, также как многих защитников, захватчики еще и город выжгли.

Городские воеводы постоянно заботились, чтобы пожаров не случилось в городе-крепости. Так они повелевали в «летние дни чтобы в городе никакие люди изб и мылен (бань) не топили и с огнями не сидели, а есть бы варили и хлеб бы пекли в поварнях в печах; а у кого поварен нет, тем есть варить и хлеб печь за городом в печах, не близко от города».

При строительстве домов на отводимых усадьбах между соседними строениями обязательно устраивались разрывы, «прозоры», чтобы в случае загорания одного дома огонь не перекинулся на соседний. При нарушении этого правила новые постройки разрушали.

Но иногда огненная стихия все-таки опустошала город. Ливенский воевода Федор Ладыженский писал царю нижеприведенное прошение в 1647 году: «Государю царю и великому кня-

зю Алексею Михайловичу вся Русь холоп твой Федька Ладыженский челом бьет: в нынешнем 1647 году в 17 день августа в четвертом часу дня после обедни волею божьею загорелся на Ливнах в Сергиевском монастыре храм чудотворца Николы, и тот монастырь сгорел и Ливенские слободы от реки Сосны по реку Ливенку, и ямские гумна выгорели, а остались тех слобод двory немногие, а ...в городе наряд и зеленую казну и всякие пушечные запасы, и драгунского строя казну, и хлебные запасы

Тушение пожара. Начало XX века.

от пожара отняли...До августа же против 20 числа в ночи учинился пожар за рекою Ливенкою в Покровской слободе, выгорело полковых казаков пять дворов.

В 17 день августа выгорело:

Сергиевский монастырь: в нем церковь Николы Чудотворца, церковь Благовещения, Церковь Сергия Чудотворца, 9 келий братских, двор попов, двор дьяконов, монастырских бобылей 10 дворов.

Черниц безместных 10 келий.

В Егорьевской слободе церковь Страстотерпца Егория, двор попов.

Егорьевской слободы полковых казаков 68 дворов.

В старой Стрелецкой слободе церковь Пятницы, двор попов.

Черкасская слобода вся выгорела, а было в ней 57 дворов.

Стрелецкая слобода вся выгорела, в ней было ливенских жильцов 76 дворов, болховских сведенцев 8 дворов.

Никольской слободы полковых казаков 5 дворов.

Пушкарской слободы 32 двора.

Ямские слободы дворы и гумна все выгорели, а в них было 37 дворов.

Ливенцев детей боярских 2 двора. Донских казаков 2 двора. Разных приходов церковных бобылей 12 дворов.

Всего по сей росписи на Ливнах на посаде сгорело 5 церквей да 328 дворов и монастырских келий».

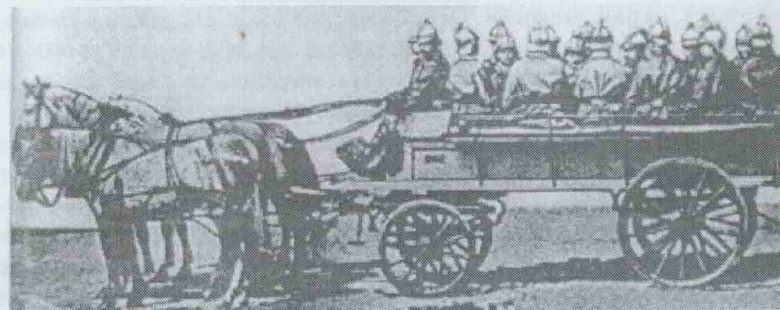
Дотла сгорели многие дворы людей, находящихся на государственной службе в Ливнах. Об их бедственном положении писали царю ливенские воеводы Григорий Куракин и Андрей Бутурлин, прося об отпуске для них.

Челобитную повезли государю владимирец Кирилл Деев, смолянин Иван Ипатьев, ржевитин Иван Прокофьев, галичанин Давид Степанов, костромитин Матвей Васильев.

«Били челом» государю и иноземцы, проходящие наемную военную службу: греки, поляки, литовцы, немцы, которые имели чины ротмистров, поручиков, прапорщиков. Писали царю грамоту и «бедные и разоренные ржевичи, зубчане, старичане, тверичи, новоторжцы:...те наши слободы, где мы стояли погорели, ...служилая рухлядь, платья, ружья и запасы наши, и конские кормы сгорели, и ныне мы холопы твои бедные и погорелые бродим промеж дворов, помираем голодной смертью, а иные лежат от динги без приюта... Вели, Государь, нас холопей... с твоей Государевой службы отпустить... Царь Государь, смилуйся, пожалуй».

Конечно, Царь Алексей Михайлович, живший заботами об укреплении русского государства и расширении его владений, не пошел навстречу просьбам служивых ливенских людей, а прислал в Ливны строителей, отпустил деньги из казны и на месте сгоревших слобод встали новые строения. Взамен старого деревянного монастыря на высокой круче началось возведение каменного храма, который мы теперь называем Свято-Сергиевской церковью. А через шесть лет в Ливнах состоялся смотр «детям и черкасам», в котором участвовали ливенцы, ельчане, новосильцы, чернавцы, ефремовцы. Значит, было, что показывать.

Пожары между тем возникали то в городе, то в селах. В Ливнах не было особенной команды. Пожары тушили сами жители, являлись на тушение огня кто с багром, кто с топором, кто с

Пожарная повозка конца XIX-начала XX века

ведром. Лавки обязывали высылать на пожар бочки с водой. На воротах частных домов было изображение того инструмента, с каким хозяин должен прибежать на пожар. Полицейские чины следили за этим, в случае нарушения хозяев штрафовали.

Большое несчастье принес пожар 14 сентября 1858 года. Начавшись после обеда, в половине четвертого, огонь уничтожил 14 из 66 каменных домов и 116 из 757 деревянных, то есть более

На улице Соборной (Ленина) над постройками возвышалась пожарная каланча

шестой части города, сгорели также надворные постройки: конюшни, сараи, погреба. Огненная стихия превратила в пепел 44 торговые лавки, два питейных дома, - всё, что находилось в центральной части города ближе к Никольской слободе. Огонь захватил несколько домов в этой слободе.

Сгорели здания суда и аптеки. Большой ущерб потерпели купцы Добродеев и Соболев, потерявшие от огня много зерна, пеньки, кожи. «Очень деятельное участие в тушении пожара принимали нижние чины Селенгинского полка», расквартированного в Ливнах. Ввиду того, что на пороге была зима и погорельцам нужно было где-то жить, власти приняли меры и люди подселились в уцелевшее жильё.

В городе с давних времен стояла пожарная каланча на улице Соборной (ныне Ленина). Когда-то на вершущке башни днём и ночью дежурили пожарные, обыкновенно двое, неустанно наблюдая за улицами и городскими постройками: не покажется ли где подозрительный дымок или огонь. А если замечали опасность, давали звонок вниз и поднимали тревогу.

Сразу же из пожарной части верхом на лошади выезжал вестовой и скакал в сторону пожара, чтобы уточнить о месте загорания и его масштабах. Тем временем готовилась большая пожарная повозка, запряженная четверкой лошадей. Она неслась с развевающимся знаменем пожарной части и нарядом огнеборцев в начищенных до блеска касках. За ней попевала повозка с водой, лестницами, крюками, баграми, рукавами и прочими принадлежностями для тушения пожара. Все это сияло свежестью краски, блеском металла.

Следует сказать, что важную роль в пожарной безопасности тогда играли дворники. В их обязанности входило «каждый день ввечеру осматривать в домах незапертые места, где только могут укрываться люди, пришедшие с злыми намерениями, ...не должны никому позволять противу своих домов курить трубки, сигары, папиросы, ...бдительно оберегать дома от пожаров...». За невыполнение этих и других обязанностей дворники наказывались штрафом, арестом, розгами от 20 до 30 ударов. За образцовое выполнение обязанностей дворники получали денежное вознаграждение. Они, если можно так сказать, были первичным звеном в системе борьбы с пожарами.

7 сентября 1893 года в Ливнах создается добровольное пожарное общество, как раз после этого и появляется у местных

пожарников повозка, запряженная четверкой лошадей, о которой мы писали выше, а также знамя.

Загорания в Ливнах были не часты, однако жертвы случались. Об одной сообщала газета «Орловский вестник» 29 января 1905 года, правда, трагедия произошла не от пожара, а от неправильного использовании печи:

«В половине декабря в полицейском управлении угорели трое арестованных за пьянство, один из них ремесленник, живший у местного иконостасчика Куликова, не приходя в сознание, умер. Два других поправились».

...Таких пожаров, которые мы описали, в Ливнах больше не наблюдалось, если не считать бедственных потерь от огня 28 июня 1942 года, когда после налетов немецкой авиации на месте домов, садов, скверов остались груды развалин и горы пепла.

Содержание

Это было в 41-м.....	3
Ливенцы в Отечественной войне 1812 года.....	26
Выборы до революции.....	30
Сколько лет Ливнам?.....	33
Такой была полиция.....	41
Пожары в Ливнах.....	46